

DOI: 10.15293/1813-4718.1804.02

УДК 374+379.8

Куприянов Борис Викторович

Доктор педагогических наук, профессор, профессор Департамента педагогики института педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, boriskuprianoff2012@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1041-6056, Москва

КОММУНАРСКАЯ ЛЕГЕНДА «ОРЛЕНКА»¹

Аннотация.

Введение. В отечественной практике воспитания роль поворотного момента сыграли 60-е гг. XX в., именно с этого времени в лексикон миллионов российских педагогов вошли понятия «коллективно-творческое дело», «вечерний огонек», «школа комсомольского актива» и т. п. Именно в это время возникла символическая культурная практика воспитания и организации летнего отдыха детей, отражающая романтизм оттепели в СССР. Именно эта традиция столкнулась на рубеже XX и XXI вв. с реалиями рыночных отношений, обнаружив ряд ценностных противоречий, поставив на повестку дня вопрос о возможности использования коммунарской педагогики в настоящее время.

Материалы и методы. Основания для исторической реконструкции обнаруживаются в диссертационных исследованиях практики ВПЛ – ВДЦ «Орленок», в научных, методических и мемуарных текстах активных участников социально-педагогического проекта 60-х гг. XX в., в источниках личного происхождения: воспоминания, письма, дневники. Для описания активного поиска новых вариантов работы с детьми во Всероссийском пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок» 1962–1966 гг. применялся метод историко-педагогической реконструкции.

Результаты исследования. Характерными чертами культурной практики Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» 1962–1966 гг. являлись: реализация в детско-взрослом сообществе гуманистических отношений, особые отношения сотрудничества, основанные на доброжелательности, откровенности, поддержке, демократии и новой культуре диалога, самоценность оригинальности, импровизации, инициативы, творчества, общественная самоорганизация обогатилась установленными технологическими процедурами и регламентами (коллективными процедурами целеполагания, планирования, подготовки и т. д., вечернего огонька как технологического узла).

Обсуждение и заключение. Научная новизна и теоретическая значимость статьи заключаются в детализации представлений о коммунарском проекте Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» 1962–1966 гг. как варианте нетоталитарного воспитания, социальном эксперименте по формированию «острова» будущего общества внутри современности, реализованной социально-педагогической утопии, давшей импульс значительному числу социальных, культурных и социально-педагогических явлений.

Ключевые слова: загородный детский лагерь, история образования в СССР, демократические и гуманистические практики воспитания.

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890а.

Не зевай, историк, сочиняй книгу, наблюдай вращенье земли.
Каждому столетью, году, дню, мигу, сколько надлежит, удели.

М. К. Щербаков

Все это из нашей истории строки.

В. Б. Гин

Введение. В развитии образовательных практик время от времени возникают поворотные моменты, задающие традиции на многие десятилетия, определяющие культурные образцы решения педагогических задач. В отечественной практике загородных детских лагерей роль поворотного момента сыграли 60 гг. XX в., именно с этого времени в лексикон миллионов российских педагогов вошли понятия «коллективно-творческое дело», «вечерний огонек», «школа комсомольского актива» и т. п. Именно в это время возникла новая массовая культура пионерского лагеря со специфическими наименованиями, девизами, «лагерными песнями» и ритуалами, отражающими романтизм оттепели в СССР. Именно эта традиция организации летнего отдыха детей столкнулась на рубеже XX и XXI вв. с реалиями рыночных отношений, обнаружив ряд ценностных противоречий, поставив на повестку дня вопрос о возможности использования коммунарской педагогики в настоящее время. В этой связи историческая реконструкция культурной практики воспитания в загородных детских лагерях в СССР в 60-е гг. XX в. не просто приобретает научно-познавательный интерес, но и становится основой разработки концепции развития института летнего отдыха в XXI веке.

Материалы и методы. Основания для исторической реконструкции обнаруживаются в исследованиях практики ВПЛ – ВДЦ «Орленок» (Ю. В. Бураков, Б. Б. Гусев, С. И. Панченко) [2; 3; 8], в работах С. В. Кульневича, А. В. Мудрика, С. Д. Полякова [6; 9; 10], в научных, методических и мемуарных текстах активных участников социально-педагогического проекта 60-х гг. XX в. Важную роль в восстановлении картины тех лет могут сыграть источники личного происхождения:

воспоминания, письма, дневники. Интерес представляют интервью вожатых (Л. А. Балашкова, А. В. Мудрик, И. Леонова, В. Ф. Хозов) и воспитанников (Л. Сазонова, Л. Калинина, Н. Безбородов) лагеря «Орленок» (1962–1963 гг.), собранные Ю. А. Федотовой в 2013 г. [11].

На основе перечисленных источников можно отметить, что в период оттепели происходило осмысление и активный поиск новых вариантов работы с детьми, которые нашли свое выражение в таком социальном и культурном явлении, как Всероссийский пионерский лагерь ЦК ВЛКСМ «Орленок» 1962–1966 гг. В 1962 г. совершен «десант» ленинградских школьников и молодых педагогов, которые привезли с собой социально-педагогическую практику Фрунзенской коммуны Ленинграда, а в 1966 г. вышло постановление ЦК ВЛКСМ «О серьезных недостатках в воспитательной деятельности лагеря “Орленок”», которое можно считать финалом этой культурной практики.

Результаты исследования. Для понимания сущности коммунарского проекта важными представляются несколько положений.

А. В. Мудрик называет культурную практику лагеря «Орленок» этой эпохи – *нетоталитарной* «номинально не противоречащей ортодоксальным постулатам марксистско-ленинской педагогики, но по сути предлагающей пути создания благоприятных условий для развития личности...» [6, с. 153]. В коллективной монографии «Острова утопии» утверждается, что при разработке и реализации утопических проектов 60-х гг. XX в.:

– сложилось понимание «коллектива детей и подростков (или коллектива вместе с обучающим его педагогом) как микромоделей общества, изменение которой оказы-

вается социальным экспериментом по формированию «острова» будущего общества внутри современности»;

– вслед за выдающимися педагогами 1920-х гг. воспитание в коллективе рассматривалось как *обеспечение «гармонии интересов общества и личности*, подчеркивалась исключительная важность коллектива как средства всестороннего развития личности, ...всячески подчеркивалось, что высшей целью воспитания является человек» [7].

Несколько взаимосвязанных социальных и социально-педагогических явлений, названных впоследствии «орлятской методикой», «Педагогикой общей заботы», коммунарством, методикой (технологией) КТД – коллективно-творческой деятельности (коллективной организации деятельности) и т. д. сложились вследствие того, что уникальный опыт Фрунзенской коммуны Ленинграда заинтересовал руководство и педагогический коллектив «Орленка». Ориентиром для авторов этого новшества выступал опыт А. С. Макаренко (в том числе «Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского»), кроме того, даже чисто терминологически, здесь можно зафиксировать много общего с практикой пионерских лагерей – коммун (20-х гг. XX в.).

Культурная практика «Орленка» этой эпохи может рассматриваться как продолжение традиции детского загородного лагеря как коммуны [4, с. 90], ключевым новообразованием стали *гуманистическая идеология* (особые ценностно-смысловые ориентиры) и *практический гуманизм*, которые выражались, прежде всего, в обеспечении:

– «развития у детей таких качеств, которые помогут реализовать себя и как существо общественное, и как неповторимую индивидуальность, со своими специфическими запросами и индивидуальными способами самореализации»;

– «принципа добровольности, определяющего и все остальные принципы... воспитание творческой личности – в условиях

принуждения не разрешимо»;

– «пробуждения у детей интереса к саморазвитию, самоопределению... в соответствии с самостоятельным осознанием»;

– «пространства взаимопомощи, поддержки, помогающего и облегчающего взаимодействия, отношений «товарищеской заботы о близких и далеких людях, ... любви к человеку» [9].

Яркий пример *добровольности* приводят участники тех событий: «в одну из лагерных смен 1963 г. в день ее торжественного открытия выяснилось, что дежурный командир, который должен был командовать парадом и отдавать рапорт, оказался без галстука (ранее на общем сборе он выступал против ношения галстуков). Однако никому из взрослых даже в голову не пришло надавить на мальчика, о нем говорили с уважением и любопытством. А через несколько дней он по собственному почину стал носить галстук [6].

Идейной основой и технологическим инструментом *практического гуманизма* являлась так называемая традиция доброго отношения к людям, смысл которой сводится к формуле «нести радость людям». Старшеклассница из Киева Л. Калинина, побывавшая в «Орлёнке» в 1962 г., вспоминала об импровизированной ночи поэзии: «Как-то ночью море штормило, по крыше шуршал дождь, и не очень-то спалось в брезентовых палатках “Солнечного” на самом берегу. Внезапно к нам пришли наши мальчики и вдруг один за другим стали читать стихи. В темноте, при свете фонарика, звучали стихи Е. Евтушенко, Н. Матвеевой, Б. Окуджавы, А. Вознесенского, Р. Рождественского... И только потом мы поняли, что таким образом ребята успокаивали и отвлекали нас от штормовых неприятностей» [11]. А. В. Мудрик вспоминает, что в лагере «культивировали доброжелательность, откровенность, стремление помогать друг другу, раскрыть свои лучшие качества» [6, с. 148]. Вот что отмечалось в справке ЦК ВЛКСМ «О серьезных недостатках и извращении

ях в воспитательной работе во Всероссийском пионерском лагере «Орленок»: «В лагере методично отдается предпочтение воспитанию у ребят таких качеств, как доброта, откровенность, уравновешенность, умение быть ласковыми и мало уделяется внимания воспитанию гражданственности, патриотизма. ...Из девиза «Орленка» выхолощено всякое политическое содержание, ...от него смачно отдает духом общечеловеческого гуманизма, который безуспешно пытаются внедрять в сознание советских людей наши идеологические враги» [6, с. 149].

Особые отношения сотрудничества, основанные на доброжелательности, откровенности, поддержке складывались в лагере и в отношениях между детьми и взрослыми. В «Орленке» возникла *принципиально новая позиция педагога*, когда в «условиях взаимной поддержки вожатый (воспитатель) занимает новое, непривычное для него место, следуя формуле: «не вместо воспитанников, а вместе с ними и впереди них». Педагоги учат не наставлениями, требованиями и понуканиями, а в общей с детьми творческой работе ...постоянно учатся сами – друг у друга и у своих воспитанников» [9]. Вожатые вместе с ребятами на вечернем огоньке решали: что сделать, как это всем вместе спланировать, провести, а потом коллективно анализировали, отмечали вклад каждого в общее дело.

С. В. Кульневич таким образом описывает особенности взрослого в коммунарской практике: «старшие друзья приходят на помощь ребенку... они не воспитывают в ребенке это качество, они помогают создать такие условия, в которых он обязательно проявит себя, не может не проявить, но – только добровольно, без принуждения и без педагогических хитростей и уловок» [9].

Подчеркнем, что в это время в лагере сформировался особый педагогический коллектив, «вожатыми были люди не только педагогических профессий, но и му-

зыканты, художники, врачи, спортсмены, инженеры» [6], все они были молоды и увлечены процессом создания неповторимой смены. «Все вожатые “варились” в системе педагогических ценностей коммунарства. Витал дух жажды познания и творчества» [1, с. 48]. В работе вожатых особое значение имело тесное взаимодействие с напарником, умение находить общие подходы по отношению к детям, терпимость, внимание и поддержка друг друга. *Вожатский отряд выступал своеобразным образцом межличностных отношений*, являлся носителем всего лучшего, что появилось и закрепились в лагере. Поэтому, по мнению вожатой «Орленка» в 1962–1963 гг. И. Леоновой, «в душе осталось это необыкновенное чувство единения, внутренней связи, все было очень зажигательно, ярко» [11].

В реализации практического гуманизма особая роль принадлежала так называемым *законам «Орленка»*, которые выступали, прежде всего, как рамки свободы и демократии во временных детских объединениях, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья, и только потом как правила оптимальной организации совместной деятельности, нормы морали и нравственности [3; 8].

Основными рамками свободы выступали «Закон моря» и «Закон территории». Вожатый дружины «Звездная» 60-х гг. В. Ф. Хозов вспоминал, что очень жестким был «Закон моря», который не позволял не только купаться, но и находиться на море без педагогов, так как это чрезвычайно опасно... был случай, когда домой отправили ребенка за несоблюдение этого требования [11]. Согласно «закону территории» никто из детей без ведома вожатого не вправе был покидать территорию лагеря, т. к. ответственность за жизнь и здоровье детей была возложена на взрослых. Этот закон предписывал уважительно относиться к другим детским объединениям (не мешать им шумом или разговорами, когда они заняты своими делами).

Повседневные этические нормы закладывал и так называемый *закон зелени*, который устанавливал норму бережного отношения к растениям, запрещал наносить им вред, поскольку живописный растительный мир «Орлёнка» поддерживался трудом многих людей, да и вообще, считалось, что лагерь надо беречь, как собственный дом.

Еще одним инструментом практического гуманизма были девизы, придуманные детьми и поддерживаемые вожатыми и руководством лагеря: «Наша цель – счастье людей! Мы победим. Иначе быть не может», «Живи для улыбки товарища!» и т. п. [11].

Рассматривая культурную практику ВПЛ «Орленок» 1962–1966 гг. как продолжение социально-педагогической традиции пионерского лагеря-коммуны (20-е гг. XX в.), следует определить характер взаимодействия с окружающей социальной средой [7, с. 90]. Если в начале века активное взаимодействие со средой обеспечивало жизнедеятельность участников лагеря-коммуны (получение продуктов питания), общественно-полезная деятельность задавалась сущностью пионерской организации, то в «Орленке» *активность в значительной мере направлена на преобразование внутренней среды сообщества*, что предусматривало:

- воспитание у подростков активной жизненной позиции (готовность вырабатывать свое отношение к окружающему миру, отношение к себе, готовность формулировать задачи, чтобы действовать в соответствии с ними, готовность действовать самостоятельно и творчески); подготовку детей к повседневному, здоровому проживанию индивидуальной жизни;
- специфический стиль жизни детско-взрослой общности – импровизация, инициатива, творчество;
- высокую степень общественной самоорганизации совместной деятельности.

Практика пионерских лагерей-коммун 20-х и 30-х гг. обогатилась в «Орленке»

установленными технологическими процедурами и регламентами – алгоритм методики коллективно-творческой деятельности (коллективное целеполагание, коллективное планирование, коллективная подготовка, коллективное проведение и коллективный анализ).

Специфический *стиль жизни детско-взрослой общности* выражался в следующем – каждая лагерная смена отличалась серией интересных, необычных творческих дел: «День изобретения колеса», политические бои, вечера разгаданных и неразгаданных тайн, защиты фантастических проектов, «Малые греческие олимпийские игры», «Зарницы» и т. д. Регулярно проходили встречи с интересными людьми, пресс-конференции, трудовые десанты на сельскохозяйственные и строительные работы, походы в горы и ближайшие окрестности. Вожатая И. Леонова отмечала, что «вся инициатива в проведении дел исходила от самого отряда. Это в душу откладывалось. Всё было завязано на смысловой составляющей и на том, как эти дела осуществлялись. Отрядное дело охватывало не только людей, которые его проводили, а всех. А если ты в этом деле не участвуешь, значит, участвуешь в следующем деле – это была вожатская задача: показать ребёнку, что он может быть не только участником, но и организатором. И, конечно же, девизом любого действия в лагере было: «Каждое дело творчески – иначе зачем?» [11].

А. В. Мудрик, характеризуя творческую атмосферу, вспоминал: «В лагере все делалось необычно: проводились защиты фантастических проектов, пресс-конференции с самыми неожиданными “гостями” (ими были сами же ребята) – космонавтами, инопланетянами и др., трудовые “десанты” в ближайшие деревни и дальние станции и чайные совхозы, вместо спартакиады – Малые греческие олимпийские игры, вместо обязательных тогда политинформаций – политбои, вместо Дня знаний – День изобретения колеса и так все» [6].

Макаренковская традиция почти воен-

ной четкости и пунктуальности в коммунарской практике технологически оформилась в «Закон ноль-ноль» – каждое дело начинать и заканчивать в намеченный срок, эта норма в своем расширительном толковании предъявляла требования к точности не только во времени, но и в словах, обещаниях, делах [3].

Характерной чертой культурной практики «Орленка», соответствующей традиции загородного детского лагеря как коммуны является *демократия*, которая обогатилась *принципом диалогичности* (А. В. Мудрик), что предполагало в данном случае:

- технологически оформленную практическую демократию на всех этапах осуществления совместной деятельности;

- открытость для обсуждения всех окружающих социальных и культурных реалий, без скидки на возраст участников дискуссии (признание права на обсуждение как признание взрослости);

- открытость для обсуждения жизни детско-взрослого сообщества и поступков всех его участников (в режиме нравственной рефлексии).

Как отмечали в своих воспоминаниях участники этих событий – вожатые «Орленка», «мы все старались делать так, чтобы жизнью лагеря руководил актив – сами дети. Видимости никакой не было, это было настоящее детское самоуправление. Конечно, вожатые постоянно были рядом с детьми, думали вместе с ними, обсуждали, направляли, но никак не навязывали и не заставляли» [1, с. 45]. «Вожатые вместе с ребятами решали, что сделать, как это всем вместе спланировать, провести, а потом коллективно проанализировать, отметив вклад каждого в общий успех» [6].

В «Орленке» технологически был оформлен такой элемент традиционной советской практики коллективного воспитания (А. С. Макаренко), как сменность актива. В коммунарской практике институт дежурных командиров был дополнен чередованием традиционных поручений (ЧТП), советом дела, что позволяло каждо-

му в течение смены пробовать себя в разных социальных ролях, испытывать свои силы, достигать успеха. По воспоминаниям И. Леоновой, данная методика давала возможность включать в деятельность всех. Особенно был действенным принцип «Сегодня я подчиняюсь, а завтра руковожу».

А. В. Мудрик вспоминал, что именно в «Орленке» «впервые со старшеклассниками стали говорить». Так, появилась традиция «с уважением, неформально, обмениваться мнениями, обсуждать серьёзные темы и проблемы» [11], в ходе которых «рождалось много интересного, и это требовало большего умственного и душевного напряжения» [11]. В постановлении ЦК ВЛКСМ, разгромившем практику «Орленка», отмечалось, что дети «только и делают, что спорят, анализируют себя и свои поступки, прожитый день» [1, с. 44]. А в справке ЦК практика открытого общественного диалога «Орленка» осуждалась в следующих словах: «В политических беседах и дискуссиях лагеря широко культивируется постановка вопросов, способных вызвать нездоровый ажиотаж. Чтобы пробудить активность ребят, разговор с ними, как правило, строится на теневых сторонах окружающей действительности, наших осложнений в международной обстановке. В пионерском отряде... был проведен “Разговор о жизни”. Вожатый поставил два вопроса: “Восприятие окружающей жизни и, в частности, недостатков”, “Последствия культа личности”. В других отрядах для бесед выбирались темы: “Некапиталистический путь развития”, “Общественные фонды потребления”, “Колхозы в Италии”, “Специалисты в правительствах”, “Политика КПК”, “Фашизм и неофашизм»» [6, с. 150].

Практика нравственной рефлексии, реализуемая в форме вечернего «огонька», способствовала обращению к личности подростков, осмыслению своего места в коллективе, в самооценке дел, поступков и отряда в целом. Н. Безбородов – участник Всесоюзного сбора комсомольцев-

школьников в «Орленке» в 1963 г. отмечал важность такого мероприятия в жизни ребенка: «За три дня до отъезда по вечерам у костра прошли “Откровенные разговоры” (“Суды чести”). Особенность их заключалась в том, что каждый должен был дать характеристику товарищу, оценить его положительные стороны и назвать недостатки, которые предстоит изжить. Но давая характеристику товарищу, ты в этот момент характеризовал и себя (свою принципиальность, честность, объективность, доброжелательность). Меня “судили” в последний вечер. Никогда в жизни я больше так не волновался и не радовался, когда услышал напутствие товарищей-коммунаров: “К большой жизни готов. Не сломайся!”».

Технологическому оформлению в коммунарском «Орленке» начала 1960-х гг. подверглись правила участия в дискуссии, это – «Закон поднятой руки» («Правило свободного микрофона»). В этой норме устанавливалось право для любого участника общности обратить на себя внимание и быть выслушанным, высказать свою точку зрения в комфортных условиях общей тишины. Культивировались также уважение к мнению собеседника «выслушай, не перебивая», ответственность за свои оценки и предложения: «Критикуешь – предлагай, предлагаешь – действуй».

Очевидно, что по своей форме «Орленок» в большей степени был *школой обучения актива пионерской и комсомольских организаций*, осуществляя подготовку подростков к организации общественной деятельности. Так, по воспоминанию С. Д. Полякова, ««орлянская» жизнь повернула меня – обычного старшеклассника с весьма индифферентным отношением к комсомольской работе – к активной, наступательной общественной позиции [10, с. 6]. Многие воспитанники тех лет по возвращению в свои школы становились инициаторами создания общественных объединений, клубов старшеклассников-комсомольцев, вдохновляли взрослых и сверстников на «коллективное творче-

ство, коллективную организацию деятельности и социально-преобразовательную направленность» («чтобы окружающая жизнь в школе и вне школы стала лучше») [10, с. 6]. Яркой чертой «Орленка» как школы комсомольского и пионерского актива являлась *миссионерская направленность* – участники смен должны были нести идеи и опыт в свои первичные организации.

Объясняя краткость существования этой культурной практики, А. В. Мудрик указывает, что «Орленок» 1962–1966 гг. «вопиюще не соответствовал... принципу культуросообразности. Он не только не вписывался в советскую культуру и советскую систему воспитания, а прямо-таки бросал им вызов» [6, с. 153].

Обсуждение и заключение. Коммунарский проект Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» 1962–1966 гг. представлял собой вариант нетоталитарного воспитания (А. В. Мудрик) и может пониматься социальным экспериментом по формированию «острова будущего общества внутри современности», где в русле идей выдающихся педагогов 1920-х гг. воспитание в коллективе рассматривалось как обеспечение гармонии интересов общества и личности.

Характерными чертами этой практики являются: реализация в детско-взрослом сообществе идеологии и практики гуманизма; направленность активности на преобразование внутренней среды сообщества; практическая демократия и новая культура детско-взрослого диалога; обогащение практики общественной самоорганизации и преобразующего взаимодействия с окружающей средой установленными технологическими процедурами и регламентами; реализация программы летней школы актива комсомольских и пионерских организаций (программа подготовки школьников к организаторской деятельности). Практика «Орленка» стала реализованной социально-педагогической утопией, давшей импульс значительному числу социальных, культурных и социально-педагогических явлений.

Библиографический список

1. Балашкова Л. А. Истины ради... // Ориентир. – 2011. – № 1. – С. 34–39.
2. Бураков Ю. В. Система воспитательной деятельности круглогодичного пионерского лагеря: на опыте Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок»: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1980. – 19 с.
3. Гусев Б. Б. Всероссийский детский центр «Орленок» как педагогический феномен второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ростов н/Д, 1999. – 23 с.
4. Куприянов Б. В. Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2018. – № 1 (43). – С. 86–97.
5. Куприянов Б. В. Вариативность социального воспитания школьников: монография. – Кострома: Костромской госуниверситет им. Н. А. Некрасова, 2009. – 260 с.
6. Мудрик А. В. Три года, породившие легенду // Социальная педагогика: люди, идеи, проблемы: сборник / под общ. ред. Т. А. Ромм, Т. Т. Щединой. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 147–154.
7. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е): [коллективная монография] / Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС при Президенте РФ; [ред. и сост.: И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов]. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 715 с.
8. Панченко С. И. День за днем в жизни вожатого: в помощь всем, кто работает или будет работать с подростками в детском лагере / Всероссийский детский центр «Орленок». – М.: Шк. технологии: Народное образование, 2008. – 348 с.
9. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания учебное пособие / под общ. ред. Е. В. Бондаревской. – М.; Ростов н/Д: Творческий центр «Учитель», 1999. – 560 с.
10. Поляков С. Д. Коллективное творческое воспитание: перезагрузка. – М.: Национальный книжный центр, ИФ «Сентябрь», 2016. – 176 с.
11. Федотова Ю. А. Воспоминания вожатых и старшекласников, участников Всесоюзного сбора комсомольцев-школьников в «Орленке» в 1963 г., записанные в 2013 г. – Краснодар: ВДЦ «Орленок», 2015 – 32с.

Поступила в редакцию 20.06.2018

Kupriyanov Boris Viktorovich

Dr. Sci. (Pedag.), Prof., Prof. of the Department of Pedagogy of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University, boriskupriyanoff2012@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1041-6056, Moscow

**THE STORY OF NON-TOTALITARIAN EDUCATION
IN THE SUMMER CAMP «ORLENOK»¹**

Abstract. Introduction. In the domestic practice of education the role of the turning point was played by the 60s of the twentieth century, from that time in the vocabulary of millions of Russian teachers included the concept of “collective creative work”, “evening light”, “school of Komsomol activists”, etc. It was At this time there was a symbolic cultural practice of education and organization of summer recreation of children, reflecting the romanticism thaw in the USSR. It is this tradition faced at the turn of XX and XXI centuries with the realities of market relations, having found a number of value contradictions, putting on the agenda the question of the possibility of using communal pedagogy at the present time.

¹ The study was undertaken with the financial support of RFBR, project No. 18-013-00890a.

Materials and methods. Basis for historical reconstruction found in dissertation studies the practices of VPL – VDTs “Eaglet”, in scientific, methodological and autobiographical texts, active participants in socio-pedagogical project of the 60s of the twentieth century, personal documents: memoirs, letters, diaries. To describe the active search for new options of working with children in the all-Russian pioneer camp of Central Committee VLKSM “Eaglet” 1962-1966, he applied the method of historical and pedagogical renovation.

Research result. Characteristic features of the cultural practice of the all-Russian pioneer camp “Orlyonok” 1962-1966. they were: the implementation in the children’s and adult community of humanistic relations, special relations of cooperation based on goodwill, frankness, support, democracy and a new culture of dialogue, the self-value of originality, improvisation, initiative, creativity, social self-organization enriched by established technological procedures and regulations (collective procedures of goal setting, planning, training, etc., evening light as a technological node.

Discussion and conclusions: the scientific novelty and theoretical significance of the article are in the details of the ideas about the communal project of the all-Russian pioneer camp “Orlenok” in 1962-66 as a variant of non-Tatar education, social experiment on the formation of the “island” of the future society within the present, implemented by the social and pedagogical utopia, which gave impetus to a significant number of social, cultural and socio-pedagogical phenomena.

Keywords: summer camp, history of education in the USSR, democratic education.

References

1. Balashkova, L. A., 2011. For the sake of Truth... Reference point number, 1, pp. 34–39. (In Russ.)
2. Burakov, Yu. V., 1980. System of educational activities of the year-round pioneer camp: the experience of the all-Russian pioneer camp of the Komsomol “Orlenok”. Cand. Sci. (Pedag.). Moscow, 19 p. (In Russ.)
3. Gusev, B. B., 1999. All-Russian children’s center “Orlyonok” as a pedagogical phenomenon of the second half of the twentieth century. Cand. Sci. (Pedag.). Rostov on Don, 23 p. (In Russ.)
4. Kupriyanov, B. V., 2018. Country children’s camp in historical retrospect. Bulletin of the Moscow city pedagogical University, 1 (43), pp. 86–97 (In Russ.)
5. Kupriyanov, B. V., 2009. Variability of social education of schoolchildren: Monograph. Kostroma: N. Nekrasov Kostroma State University Publ., 260 p. (In Russ.)
6. Mudrik, A. V., 2011. Three years, gave birth to a legend. Social pedagogy: people, ideas, problems: a collection. Arzamas: AGPI Publ., pp. 147–154. (In Russ.)
7. Kukulin, I., Mayofis, M., Safronov, P., ed. and comp., 2015. Islands of utopia: pedagogical and social design of the post-war school (1940–1980). Moscow: New lit. review Publ., 715 p. (In Russ.)
8. Panchenko, S. I., 2008. Day after day in the life of the counselor: to help everyone who works or will work with teenagers in a children’s camp. Moscow: SHK. technology: Public education, 348 p. (In Russ.)
9. Bondarevskaya, E. V., ed., 1999. Pedagogy: personality in humanistic theories and systems of education manual. Moscow, Rostov on Don: Creative center “Teacher” Publ., 560 p. (In Russ.)
10. Polyakov, S. D., 2016. Collective creative education: reboot. Moscow: national book center, if “September” Publ., 176 p. (In Russ.)
11. Fedotova, Yu. A., 2015. Memories of counselors and high school students, participants of the all-Union collection of Komsomol students in the “Orlenok” in 1963, recorded in 2013. Krasnodar: VDTs “Eaglet”, 32 p

Submitted 20.06.2018